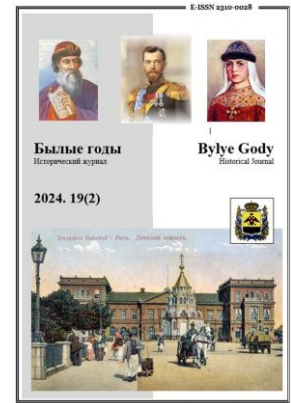

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(2): 599-612
 DOI: 10.13187/bg.2024.2.599

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Self-Identification and Identification of the late 18th – early 19th centuries Don Cossacks by Outsider Authors

Artyom Yu. Peretyatko ^{a, b, *}

^aCherkas Global University, Washington, DC, USA

^bVolgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The article is dedicated to the problem of the late 18th – early 19th centuries Don Cossacks identity. Author shows that in the 19th century the Don Cossackdom was going through a major transformation (in particular, local garb was supplanted by the one closer to a Great Russian, and educated locals have familiarized themselves with Russian historiography). At the same time, professional ethnographers began to study the Don Cossacks only in the 1880s, meaning they were studying already transformed Cossackdom. In this context contemporaries' evidences about the Don Cossacks of the late 18th – early 19th centuries are of utmost importance. They are few (the article examines the wide-known works of A.I. Rigel'man about the Don Cossacks and the less-known of M.I. Antonovsky and A.L. de Romano), but A.I. Rigel'man, having served many years among the Cossacks, recorded the self-identification of some part of Cossacks, which allows us to compare the self-identification of Don Cossacks with their identification by outsider authors.

Such a comparison enables us to reveal a curious plot previously unestablished in scientific historiography. There was fundamental contradiction between the recorded cases of self-identification of Cossacks of the period and the identification by outsider authors. At the same time, A.I. Rigel'man knew who the Cossacks considered themselves to be, and also knew a number of their historical myths, yet attributed them to the category of “fables” and opposed them his own conclusions, drawn primarily from historical works. As a result, the information we have about the self-identification of the late 18th – early 19th centuries Cossacks works towards separation of Cossacks from other East Slavs (for example, it might consider Caucasus as the possible ancestral home of Cossacks, rather than the territories of Russia/Great Russia and Ukraine/Little Russia; Cossacks' service to Russia is described as a conscious choice; “Don” is interpreted as a special locus gifted to the Cossacks by Ivan the Terrible, etc.).

On the opposite, the authors of the late 18th century, who represented Russian specifics, in their works about the Cossacks (A.I. Rigel'man, M.I. Antonovsky) univocally included them with other Slavs (Ukraine/Little Russia is deemed the Cossacks' ancestral home; The Cossacks are positioned as initially serving Russia or at least from the earliest stage of their history; the narrative about “Don” being the Cossacks' special land is omitted, etc.). This tendency was brought to logical conclusion by M.I. Antonovsky, who interpreted the Don Cossacks as just “rossians” with some particular local specifics.

Keywords: Don Cossacks, history-describing, group identity, historical memory, A.I. Rigel'man, M.I. Antonovsky.

1. Введение

В конце XIX в., критикуя некоторые особенности российской этнографии того времени, профессор Казанского университета И.Н. Смирнов писал: «Исследователь не может поручиться за точность тех фактов, которые он подвергает обработке, за соответствие с действительностью

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

исследуемых картин. Возникает опасение, что строго научные выводы сделаны на основании негодного материала, ложных впечатлений от действительности» (Лескинен, 2010: 152). Уже в наше время М.В. Лескинен ставит проблему адекватности этнографических описаний XIX в. шире, отмечая, в частности, такую их особенность: «Отдельным вопросом – актуальным и по сей день – остается проблема интерпретации и роли “описателя” как “переводчика” двух культур. Эталон позитивизма – фактография – в данном случае демонстрировала свою другую сторону, ибо стремилась запечатлеть то, что еще полвека назад именовалось “духом”, который невозможно уловить» (Лескинен, 2010: 154).

Иными словами, фундаментальной для описания народа/этнографической группы оказывается проблема интерпретации, которая встает особенно остро, когда необходимо зафиксировать то, что выходит за пределы обычной фактографии. В частности, особенно сложной для однозначной фиксации нам представляется проблема идентификации/самоидентификации. М.В. Лескинен приводит любопытные случаи второй половины XIX в., показывающие это. Фольклорист В.В. Богданов в одной из деревень столкнулся с принципиальной позицией батюшки, который утверждал: «Русского крестьянина нельзя узнать по его сказкам и песням. Его сказки и песни – одно, а сам он – совершенно другое» (Лескинен, 2010: 151). Однако и методика прямых вопросов работала не всегда: Н.Н. Златовратский жаловался, что русские крестьяне не только не всегда понимали вопросы, но и «проявляли чудеса “хитрости” из недоверия по отношению к любому человеку, записывающему что бы то ни было» (Лескинен, 2010: 150-151). В итоге И.Н. Смирнов приходил к выводу, что этнографические сведения следует собирать, «не подчеркивая своей роли наблюдателя», т. е. не делая записей и не производя специальных опросов, но участвуя в обыденной жизни описываемой группы (Лескинен, 2010: 153).

Однако в случае с некоторыми группами мы сталкиваемся с тем, что они трансформировались до того, как началось их исследование на сколько-либо научном уровне. В частности, это относится к донскому казачеству. Первое его исследование профессиональным этнографом М.Н. Харузиным было выполнено только в 1880 г., причем сам автор писал в нем: «В течение XVIII века увяла самобытная жизнь донского казачества, и местные донские учреждения неоднократно переделывались, согласно соображениям центрального правительства. Только в низших слоях казаков и в наши дни живым ключом бьет народная жизнь во всем своеобразии обычая и обряда» (Харузин, 1885: XXIV). Судя же по текстам донских авторов, трансформации донского казачества до 1880 г. серьезнейшим образом затронули и его низшие слои. Например, особый традиционный казачий костюм, зафиксированный в 1820 г. выдающимся донским историком-любителем В.Д. Сухоруковым, в 1860 г. оказался вытеснен великорусским (Краснов, 1863: 418). Крупнейший донской статистик Н.И. Краснов в 1860 г. утверждал, что трансформировалась вся жизнь казачества: «Одежда, вооружение и частная жизнь казаков так изменились в последние сорок лет, что мы не встречали и тени того, что написано об этом предмете г. Сухоруковым в “Русской старине” и г. Бронеvским в его истории Войска Донского» (Краснов, 1863: 417). Следовательно, даже этнографические описания М.Н. Харузина фиксируют не изначальный казачий народный быт, но только то, как он изменился в XIX в. Более поздние этнографические описания казаков тем более не описывают их первоначальную «самобытную жизнь».

В этом контексте показательны первые тексты самих донских казаков о происхождении казачества. Они демонстрируют не только знакомство авторов с современной научной литературой, но и опору на нее. Так, А.Г. Попов, сторонник скифо-сарматского казачества, указывал в списке использованной им литературы «Станислава Сестренцевича Богуша тома I и II» (т. е. труды могилевского архиепископа С. Богуш-Сестренцевича, одного из последних сторонников сарматской теории происхождения славян) (Попов, 1814: VII-XI). Е.Н. Кательников, доказывая славянское происхождение казаков, опирался на «примечание Болтина на Леклерка», т. е. на «Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка» И.Н. Болтина (Кательников, 1886: 5). Наконец, В.Д. Сухоруков в 1822 г. лично общался с Н.М. Карамзиным, и последний якобы даже читал ему еще не опубликованные «нужные места» «Истории государства Российского» (Коршиков, Королев, 2001: 8). В результате мы сталкиваемся с любопытным парадоксом. Чтобы зафиксировать свои представления о казачестве, донские казаки должны были получить минимальное образование. Однако получение ими образования означало знакомство с российской и/или европейской наукой, после чего их представления о казачестве обычно оказывались в значительной степени продиктованы научным знанием, что неизбежно искажало первоначальную самоидентификацию. Между тем научные знания в казачьей среде распространялись достаточно быстро. Так, основатель Донского музея Х.И. Попов вообще не получил никакого образования и происходил из недворянской казачьей семьи, однако с трудами Н.М. Карамзина он познакомился еще в подростковом возрасте в 1840 г. (Донцы, 2003: 408). Судя по всему у его семьи в отдаленной станице были и другие книги «религиозного, исторического и повествовательного содержания» (Донцы..., 2003: 408).

В итоге мы сталкиваемся с крайне специфической исследовательской ситуацией. Можно с уверенностью говорить, что в 1820-1860 гг. донское казачество пережило серьезнейшую трансформацию, затронувшую важные стороны его жизни, причем эта трансформация

сопровождалась распространением даже среди части простых казаков научных нарративов. Соответственно, этнографические сведения о донских казаках, зафиксированные начиная с 1820 г., могут быть нерепрезентативны для более раннего периода. С другой стороны, все сведения о донских казаках, фиксировавшиеся до 1820 г., не вполне надежны в силу того, что в их случае мы всегда имеем дело с «ненадежным рассказчиком»: это либо внешний описатель, для которого остро стоит проблема интерпретации полученных сведений, либо казак, находящийся под сильным влиянием внешних концептов.

В то же время проблема своеобразной первоначальной идентификации и самоидентификации донского казачества представляется нам очень важной. Кем считали себя донские казаки до знакомства с тем, как отвечает на этот вопрос наука? Как описывали донских казаков самые ранние внешние наблюдатели, не являвшиеся учеными и не располагавшие готовыми моделями описания донского казачества? На эти два вопроса мы попытаемся ответить в своей статье.

2. Материалы и методы

Мы сможем это сделать благодаря книге А.И. Ригельмана «История или повествование о Донских Казаках». Дело в том, что А.И. Ригельман, российский генерал, много лет прослуживший на Дону в XVIII в., судя по всему, сумел изучить донских казаков, «не подчеркивая своей роли наблюдателя» в ходе своего исследования. Во всяком случае, его книга содержит целый ряд самоописаний казаков, их преданий и мифов, с которыми автор был не согласен, но счел нужным их привести. При этом немногочисленные тексты самих казаков того времени, в которых описываются их происхождение и история, подтверждают часть сведений, сообщенных А.И. Ригельманом. Таким образом, именно книга А.И. Ригельмана, в которой достаточно четко описаны как самоидентификация донских казаков XVIII в., так и мнение автора об этой самоидентификации, послужит нам основным источником.

Мы обратимся также к двум другим, гораздо менее известным описаниям донского казачества, выполненным на рубеже XVIII-XIX вв. Раздел о донских казаках во втором русскоязычном издании классического «Описания всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей», как сейчас считается, в действительности был написан переводчиком М.И. Антоновским (Токарев, 2015: 163-165). Это одно из первых, если не первое, подробных этнографических описаний донских казаков, которое было напечатано, причем в рамках крайне авторитетного издания. Соответственно, текст М.И. Антоновского важен как источник представлений о донских казаках российского общества начала XIX в. Важно для нас и то, как М.И. Антоновский, не являвшийся профессиональным ученым, идентифицировал казаков в своем тексте. А вот каких-либо сведений о самоидентификации донских казаков его работа не содержит.

Напротив, книга «*Coup d'oeil philosophique sur le pays occupe par les Cosaques du Don*» А.Л. де Романо содержит небольшой объем сведений, якобы зафиксированных автором со слов донских казаков. Однако в ее случае, как мы покажем далее, особенно остро встает проблема интерпретации – А.Л. де Романо встраивал сообщенную информацию в крайне специфические схемы, судя по всему, заметно искажая ее. Что касается воззрений А.Л. де Романо на идентификацию казачества, мы воздержимся от их подробного анализа именно в силу их экзотичности. Если идентификации казачества А.И. Ригельманом и М.И. Антоновским опирались на определенные факты и представляют интерес при попытке объективного описания донских казаков той эпохи, то предлагаемая А.Л. де Романо идентификация (казаки – прежде всего скифы) демонстрирует исключительно авторскую априорную позицию и важна скорее в контексте изучения представлений западных европейцев о Восточной Европе.

Кроме того, мы будем обращаться к источникам казачьего происхождения, которые подтверждают зафиксированные А.И. Ригельманом представления донских казаков о себе – к воспоминаниям А.К. Денисова, исследованиям Е.Н. Кательникова и делопроизводственным документам.

Безусловно, этих источников недостаточно, чтобы в полной мере реконструировать самоидентификацию казачества конца XVIII – начала XIX вв. и ту систему исторических мифов, на которую она опиралась. Однако на их основе мы можем понять хотя бы отдельные подобные мифы и то, какую самоидентификацию они порождали. При этом, как мы отметим далее, видится *возможным*, если не *вероятным*, что представления донских казаков того времени о себе не составляли единой непротиворечивой системы. Скорее речь идет о наборе вариантов, которые могли как сочетаться, так и противоречить друг другу. Тем не менее все выявленные нами сюжеты, связанные с самоидентификацией казачества, обладают определенными общими чертами.

То же самое относится и к идентификации донского казачества А.И. Ригельманом и М.И. Антоновским. Они интерпретируют эту идентификацию совершенно различно в деталях, но в целом их интерпретации обладают общностью некоторых важнейших черт.

Таким образом, определенная противоречивость и разорванность описываемых нами сюжетов является следствием не только скудности источниковой базы, но и отвечает природе этих сюжетов.

Как писал К. Гинзбург, «основополагающими свойствами реальности являются прерывистость и разнородность» (Гинзбург, 2004: 305). В своем исследовании мы столкнемся с этим в полной мере.

3. Обсуждение

Число работ, посвященных идентификации и происхождению донского казачества, без преувеличения огромно. Однако при этом подавляющее большинство подобных работ описывают не представления на этот счет, характерные для определенной эпохи, но пытаются предложить объективную идентификацию казачества вообще. Исключения здесь составляют монография Б.С. Корниенко о националистах в Области Войска Донского 1910 гг. (Корниенко, 2013) и статьи о современном казачестве, в которых оно рассматривается как институт, находящийся в процессе становления, а также исследуются ожидания простых казаков от этого процесса (Денисова, Ковалев, 2023: 14-36; Ковалев, 2023: 62-76).

Что касается анализа деятельности рассматриваемых нами исследователей, то больше всего работ посвящено М.И. Антоновскому. Небольшой раздел о нем есть в классической «Истории русской этнографии» С.А. Токарева (Токарев, 2015: 163-172). В 2021 г. вышла его первая персональная биография (Михеева, 2021). О А.И. Ригельмане также есть целый ряд работ, из которых интересна работа П.А. Авакова, содержащая обоснованные сомнения в достоверности ряда общепризнанных фактов биографии генерала (Аваков, 2008: 55-60). Только деятельность А.Л. де Романо специально не изучалась.

4. Результаты

Самоидентификация донских казаков конца XVIII – начала XIX вв.

А.И. Ригельман приводил интереснейшее свидетельство о том, что современные ему казаки описывали свое происхождение «от неких вольных людей, а более от Черкес и Горских народов» (Ригельман, 1846: 3). Это позволяло им выстраивать следующую самоидентификацию: «Считают себя природою не от Московских людей, и думают заподлинно только обрусевши, живучи при России, а не Русскими людьми быть» (Ригельман, 1846: 3). А.И. Ригельман цитировал даже прямую речь казаков, хотя и вероятно, несколько обработанную, типизированный ответ казака тому, кто назовет его «москалем»: «Я, де, не Москаль, но Русской, и то по закону и вере Православной, а не по природе» (Ригельман, 1846: 3).

Крайне важно, что описанное А.И. Ригельманом представление донских казаков о своем кавказском происхождении находит подтверждение в воспоминаниях донского атамана А.К. Денисова. В 1781 г. он расспрашивал «самых старых жителей Дона», которые описали ему происхождение казаков так: «первые донские казаки пришли на Дон из-за реки Терека, но были не татары и не имели сходства ни в лицах, ни в обычаях с азиатскими народами, а в сем сообразны были с великороссиянами» (Записки..., 1874: 4). В дальнейшем предки казаков по неясным причинам ушли с Дона, но в итоге «опять часть малая из них возвратились с многочисленным товариществом посторонних из великороссиян же, принятых ими» (Записки..., 1874: 6). В итоге мы можем уверенно говорить о том, что у казаков конца XVIII в. было распространено представление о своем кавказском происхождении, однако при этом предполагалось, что либо уже кавказские предки казаков были схожи с восточными славянами, либо в дальнейшем казаки смешались с восточными славянами. Подобная версия происхождения казачества позволяла ее носителям одновременно и включать себя в состав «русских», и дистанцировать себя от «москалей»/«великороссов».

К сожалению, нам неизвестно точно, были ли у донских казаков той эпохи альтернативные версии своего происхождения. Текстов о донском казачестве конца XVIII в. – начала XIX в., выполненных современниками, крайне мало, за исключением разного рода служебных документов. Тем не менее тот же А.И. Ригельман сообщает легенду о происхождении донского казачества, которую ему рассказывали «некоторые верховых (т. е., расположенных в верховьях Дона – А.П.) станиц Козаки». Согласно этой легенде, первоначально на Дон пришел некий охотник, поселившийся в его устье, бивший там много добычи и ездивший продавать ее в другие места, а затем туда начали переселяться и другие люди, избравшие этого охотника своим атаманом (Ригельман, 1846: 3). Эта легенда в пересказе А.И. Ригельмана не содержит даже намека о происхождении переселенцев на Дон, зато акцентирует внимание на их вольности: «жили свободно, не будучи подвластны или дань платя кому» (Ригельман, 1846: 3). В то же время А.И. Ригельман отмечает, что аналогичное предание об охотнике-основателе, поселившемся в устье реки (только не Дона, а «Бог реки») было у запорожских казаков, причем в нем уточнялось, что охотник был «вышедшим из Польши неким человеком, именем Семеном, роду Казарского» (Ригельман, 1846: 3-4). Здесь уместно отметить, что А.И. Ригельман служил и на территории современной Украины и написал также «Летописное повествование о Малой России и ее народе и казаках вообще» (Ригельман, 1847). Таким образом, он имел определенное представление о преданиях как донских, так и запорожских казаков, и его указание на сходство их мифов о своем происхождении как минимум заслуживает внимания. Однако нам здесь важнее то, что предание об охотнике-основателе казачества не предполагало кавказского происхождения донских казаков: его запорожская версия выводила первого казака из Польши, а донская не упоминала его прародины.

Информацию о самоидентификации донских казаков могут содержать работы иностранных авторов о Донском Войске XVIII – начала XIX вв. Однако, к сожалению, они до сих пор остаются непереуверенными и поэтому ограниченно вовлеченными в научный оборот. Прежде всего, это относится к книге А.Л. де Романо «*Coup d'oeil philosophique sur le pays occupe par les Cosaques du Don*» (de Romano, 1807). В 1896 г. донской историк-любитель М.К. Калмыков выпустил ее краткий пересказ-переложение на русский язык (Калмыков, 1896). М.К. Калмыков указывал, что А.Л. де Романо прожил на Дону около года в 1802–1803 гг. (Калмыков, 1896: 4). Таким образом, как и в случае с А.И. Ригельманом, внешний наблюдатель мог лично расспрашивать казаков, уточняя именно самоидентификацию. Однако случай А.Л. де Романо показывает, как высказывания казаков встраивались в создаваемый внешним наблюдателем контекст, что вело к конструированию явно ложных представлений о донских реалиях, а потом на эти искажения наложились искажения, сделанные переводчиком, М.К. Калмыковым.

Так, М.К. Калмыков утверждал, что, согласно А.Л. де Романо, «казаки – смесь скифов с сарматами, массагетами, тиссагетами, славянами, в позднейшие времена пополнявшаяся беглецами разных соседних национальностей» (Калмыков, 1896: 16). В оригинале, однако, наиболее близкая по смыслу фраза А.Л. де Романо выглядит так: «D'après cela, il me semble, qu'on peut hardiment conclure que les Cosaques sont un mélange de Scythes, dont ils forment le plus grand nombre, avec des Sauromates, des Gineco-Cratumènes, des Messagètes et Thyssagètes, des Slaves et des transfuges» (de Romano, 1807: 116). Таким образом, М.К. Калмыков заметно смягчил формулировку А.Л. де Романо о том, что главной составляющей казачества являются именно скифы. Это не было случайностью: М.К. Калмыков полностью опустил несколько страниц книги А.Л. де Романо, посвященных скифам как основным предкам казачества (de Romano, 1807: 105-116).

Между тем именно представление о скифах как о прямых предках казаков повлияло на то, как А.Л. де Романо интерпретировал рассказы казачьих информаторов. В переводе, а по сути, реинтерпретации М.К. Калмыкова, мы находим следующие два предложения: «От старожилков Де-Романо слышал, что в старину пришельцев на Дон предварительно испытывали, заставляя их принять участие в походе, и потом уже записывали в казаки. Впоследствии принимали русских крестьян, а также греков, татар, калмыков, даже немецких беглецов без всякого испытания» (Калмыков, 1896: 17). В результате в рамках пересказа-перевода М.К. Калмыкова выходит, что А.Л. де Романо считал казаков группой смешанного происхождения, куда прежде принимали всех, выдержавших воинское испытание, а с какого-то момента вообще всех. Безусловно, упоминания о скифах, массагетах и прочих древних племенах как составляющих элементах казачества для конца XIX в. выглядели явным архаизмом, однако, за исключением этого сюжета, мнения А.Л. де Романо и сведения, сообщенные ему старожилками, в реинтерпретации М.К. Калмыкова выглядели вполне правдоподобно для читателя.

Вот только в оригинале соответствующее место у А.Л. де Романо выглядит так: «J'ai recueilli chez les Cosaques, qu'autrefois, s'il se présentait un indigène, de quelque nation qu'il fût, avant de l'inscrire comme Cosaque, il lui falloit faire une caravane contre l'ennemi. Les occasions étoient toujours prêtes. Ce n'est qu'à la fin du dernier siècle, qu'on a extirpé les Scythes-Royaux du côté de l'orient. C'est pourquoi depuis ce tems-là les Cosaques ont inscrit beaucoup de paysans Russes, de la petite Russie, des Grecs, des Tartares, des Calmouks, même quelques déserteurs allemands, sans les épreuves» (de Romano, 1807: 117). Таким образом, у А.Л. де Романо отказ от воинских испытаний при приеме в казачество оказывается связан с совершенно конкретным событием – с истреблением царских скифов в конце XVIII в., причем об этом он узнал якобы от самих казаков! А всего абзацем выше А.Л. де Романо писал: «Ils ne sont plus ce qu'ils étoient autrefois; ils se sont beaucoup abâtardis» (de Romano, 1807: 116). Таким образом, в представлениях А.Л. де Романо, ранее, когда скифская составляющая в них была сильнее, казаки обладали несколько иными качествами, а с массовым принятием в свой состав других народов без испытаний стали «довольно убудочными» («beaucoup abâtardis»). Следовательно, у А.Л. де Романо скифы выступают не только наиболее многочисленной компонентой современного казачества, но и его лучшей частью, своеобразным ядром, причем подобная идентификация якобы основана и на расспросах самих казаков.

Таким образом, до нас почти не дошло свидетельств о самоидентификации донских казаков, зафиксированных до того момента, как представители донского казачества начали сами писать о себе. В том, что сохранилось хоть что-то, огромная заслуга А.И. Ригельмана, который зафиксировал некоторые представления казаков о своей идентичности и своем происхождении, несмотря на то что он, как мы покажем ниже, считал эти представления ошибочными. Одну легенду казаков о своем происхождении, услышанную им в молодости от стариков, зафиксировал будущий донской атаман А.К. Денисов. В то же время А.Л. де Романо продемонстрировал иную модель работы с казаками-информаторами: вместо фиксации их представлений, он встраивал сообщенные им факты в собственную теорию, согласно которой ядром казаков до XVIII в. были царские скифы (здесь уместно напомнить о том, что в эпоху Просвещения представления европейских путешественников о России были весьма своеобразны, о чем подробно пишет Л. Вульф в своей классической книге «Изобретая Восточную Европу» (Вульф, 2003).

В результате достоверно определить, что на самом деле говорили донские казаки А.Л. де Романо о своей самоидентификации и происхождении, мы не можем. Попытку реинтерпретировать его свидетельства еще в XIX в. предпринял М.К. Калмыков, просто убрав скифов из нарратива А.Л. де Романо. Однако подобный подход представляется нам ненаучным и бездоказательным. Вышедшая всего через десятилетие после пребывания А.Л. де Романо на Дону первая книга донского казака по истории донского казачества «История о Донском войске» А.Г. Попова содержала прямое указание на преемственность казаков от скифо-сарматов (Попов, 1814: XV-XVI). Соответственно, если А.Л. де Романо говорил не с простыми казаками, а с образованной публикой в Черкасске, ему вполне могли сообщить о скифском происхождении казаков. Теоретически его информатором мог быть даже лично А.Г. Попов, который в то время заведовал в Черкасске главным народным училищем, или кто-то из близких к нему людей (Л.Б., 1906: 53). Таким образом, утверждение А.Л. де Романо о том, что донские казаки рассказывали ему, будто бы в прежние времена прием в казачество был сложнее и упростился после уничтожения царских скифов в XVIII в., может быть основан как на искаженном утверждении только о том, что ранее прием в казачество был сложнее, так и на двух искаженных утверждениях о том, что в прошлом прием в казачество был сложнее, и о том, что предками казаков были скифы (но, разумеется, в значительно более ранний период).

Наконец, мы еще располагаем крайне любопытным комментарием донского генерала и общественного деятеля середины XIX в. А.П. Чеботарева о той версии происхождения казачества, которую приводил А.К. Денисов. А.П. Чеботарев утверждал, что до 1820 гг. «войско Донское не имело еще исторического описания своего происхождения и на Дону ходили разные легендарные толки о нем, одни другим противуречащие, одни других нелепее» (Записки..., 1874: 6). Для нас принципиально важно утверждение о том, что у донских казаков рубежа XVIII-XIX вв. не было единой версии своего происхождения, и различные предания об этом не дополняли, а противоречили друг другу. Это утверждение косвенно подтверждается как тем, что приводимое А.И. Ригельманом предание об охотнике-основателе казачества позиционируется им как характерное только для казаков верховых станиц, так и тем, что данное предание не содержит указаний на наиболее распространенное в казачьей среде (согласно все тому же А.И. Ригельману) представление о казаках как потомках неких кавказских народов.

Подведем итог. Сведения о самоидентификации донских казаков конца XVIII-начала XIX вв., во-первых, немногочисленны, а во-вторых, ненадежны. При этом главной проблемой являются отнюдь не ошибки фиксировавших представления казаков лиц (мы можем с уверенностью говорить о подобных ошибках только у А.Л. де Романо). Гораздо проблематичнее то, что до наших времен дошла информация только об отдельных элементах системы исторических и самоидентификационных мифов казачества, причем значение и распространенность этих элементов принципиально невозможно вполне уяснить. Мы можем уверенно говорить только о двух вещах:

1. у донских казаков существовала собственная версия или версии своего происхождения;
2. существовала версия, согласно которой главными предками казаков были некие выходцы с Кавказа.

Но далее мы вступаем в область предположений. *Возможно*, эта версия распалась на две подверсии. По первой, предками казаков были преимущественно «Черкесы и Горские народы», а по второй, предками казаков выступали представители неизвестного кавказского племени, схожего с великороссиянами. *Возможно*, предание об охотнике-основателе казачества не предполагало его кавказского происхождения и бытовало отдельно от версии о кавказском происхождении казаков. Более того, *возможно*, с учетом существования предания об охотнике-основателе казачества у запорожских казаков, в которой указывалось его происхождение из Польши, часть донских казаков могла придерживаться именно этой версии легенды. Наконец, *возможно*, утверждение А.Л. де Романо о том, что некие казаки говорили ему, будто бы упрощение приема в казачество связано с уничтожением в XVIII в. царских скифов, основывалось на представлении какой-то части образованных казаков о своем скифском происхождении.

Тем не менее, все эти версии объединяет одно: в них донские казаки происходят с Кавказа, из Польши, неизвестно откуда, имеют автохтонное происхождение, но никогда не оказываются выходцами из России/Великороссии и Украины/Малороссии. И это идеально укладывается в ту логику самоидентификации донских казаков, которую описывает самый надежный источник, А.И. Ригельман: в логику, согласно которой донские казаки считали себя обрусевшими, а не русскими.

Как же тогда донские казаки объясняли свое добровольное служение России? А.И. Ригельман приводит информацию и на этот счет. Он утверждает, что, согласно преданию об охотнике-основателе казачества, донские казаки пришли на помощь Ивану Грозному во время осады Казани «в рассуждение держимой с ним одной веры Греческого исповедания» (Ригельман, 1846: 4). Таким образом, основой для союза с Российским государством выступает не этническое, но религиозное единство. Важно и то, что пересказ данного предания А.И. Ригельманом заканчивался упоминанием о том, что Иван Грозный якобы даровал казакам Дон: «Донцы ничего того не взяли, а просили, чтоб только пожалованы были рекою Доном до тех мест, как им надобно, что им и не отказал. Он им реку оную пожаловал и грамотою утвердить изволил, с тем что кто буде дерзнет сих Донских Козаков с

мест их сбивать, тот да будет проклят во веки веков; с оной же грамоты во все станицы войска Донского даны, Для сведения Козацкого, списки, которые читаются при собрании их в день Покрова Пресвятой Богородицы после обедни» (Ригельман, 1846: 5).

Отметим, что, кроме казачьих преданий, современной науке неизвестны никакие свидетельства существования грамоты Ивана Грозного о даровании Дона донским казакам, и Н.А. Мининков вполне обоснованно называет историю этой грамоты «историческим мифом» (Мининков, 2017: 13). Да и сам А.И. Ригельман отмечал, что у казаков нет «никаких от прежних государей данных грамот, а паче той, о которой баснословят, Царя Иоанна Васильевича» (Ригельман, 1846: 5). Однако, как мы видим, согласно тому же А.И. Ригельману, в конце XVIII в. списки с этой мифической грамоты ежегодно читались во всех станицах.

И снова сообщаемая А.И. Ригельманом информация находит подтверждение в текстах самих казаков. В 1792–1794 гг. в Донском Войске происходили серьезные волнения из-за попытки указом сверху переселить часть казаков на Кавказ. В ходе этих событий казаки Пятиизбянской станицы подали прошение, в котором связывали отказ от переселения с тем, что «блаженной и вечнодостойной памяти царь Иван Васильевич по заслугам предьков их жаловал непрременным жителством на Дону» (ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 165. Л. 10)¹. Как мы видим, в деталях информация, сообщаемая самими казаками, несколько отличается от описанной А.И. Ригельманом (конкретная грамота Ивана Грозного казаками не упоминается). Однако общий смысл зафиксированного в прошении казаков Пятиизбянской станицы представления о «Доне» как о территории «непрременного» жительства казаков полностью совпадает с пересказанным А.И. Ригельманом преданием о том, что некогда казаки «пожалованы были рекою Доном», и теперь казаков нельзя «с мест их сбивать». Совпадает и фигура российского правителя, зафиксировавшего Дон в качестве казачьей территории. И у А.И. Ригельмана, и в прошении казаков Пятиизбянской станицы это Иван Грозный.

С третьей версией данного сюжета мы сталкиваемся в казачьей народной песне, которую в своей работе 1818 г. приводит Е.Н. Кательников (т. е. данный вариант этой песни однозначно относится именно к интересующей нас эпохе) (Кательников, 1886: 1-4). Согласно этой песне, изначально донские казаки были в сложных отношениях с Иваном Грозным и даже убили его посланника:

«Мы убили посланничка все царского,

Как того-то ведь посланничка персидского» (Кательников, 1886: 2).

Казакам было некуда идти во время наступающей зимы, причем поход в русские владения грозил им смертью:

«А нам, казакам, быть переловленным,

Да по крепким по тюрьмам порассоженным» (Кательников, 1886: 2).

Тогда казаки пошли захватывать Сибирь и поднесли ее Ивану Грозному, за что он даровал им «славный тихий Дон»:

«– Ой, ты, гой-еси, Ермак сын Тимофеевич,

Ой, ты, гей-еси, войсковой донской атаманушка!

Я прощаю тебя да и со войском твоим,

Я прощаю тебя да за твою службу,

За твою-то ли службу мне за верную,

Я и жалую тебе, Ермак, славный тихий Дон» (Кательников, 1886: 3-4).

Таким образом, мы можем констатировать существование у донского казачества конца XVIII в. еще одного мифа, важного для их самоидентификации. Этот миф описывал уже не происхождение казачества, но его пространство: «Дон» (именно «Дон», а не «Донская земля» или «Земля Войска Донского») выступал в представлениях казаков особой территорией, пожалованной им в исключительное владение русским царем, причем без взятия за это присяги. Этот миф четко отделял Дон от остальной территории Российской империи и доказывал особый статус донских казаков, их особые отношения с российскими правителями. В то же время и в случае с этим мифом мы сталкиваемся с вариативностью казачьих представлений о прошлом. В нем может фигурировать, а может и не фигурировать, конкретная грамота Ивана Грозного, официально фиксирующая передачу Дона казакам. Пожалование может быть дано за участие во взятии Казани, а может – за завоевание Сибири. Однако неизменным остается общая логика сюжета: Иван Грозный жалует Дон казакам за верную службу.

Итак, в немногочисленных источниках, описывающих самоидентификацию донского казачества до появления первых текстов донских казаков о самих себе, казаки предстают русскими по вере, но не великороссами/малороссами по изначальному происхождению. Они владеют своей четко локализованной территорией, причем эта территория позиционируется их землей, с которой казаков нельзя сгонять на основании мифической грамоты Ивана Грозного. В современных терминах охарактеризовать эту самоидентификацию проблематично, она не сводима к сословной или этнической, однако она, безусловно, предполагает определенную отдельность донских казаков от великороссов и малороссов той эпохи.

¹ Автор благодарит Н.А. Мининкову за сообщение об этом документе.

Идентификация донских казаков у А.И. Ригельмана и М.И. Антоновского

Однако оба внешних наблюдателя, подробно охарактеризовавших донское казачество в конце XVIII в., предлагали иной вариант его идентификации. При этом А.И. Ригельман был прекрасно знаком с тем, как донские казаки сами характеризовали себя, однако для него многие элементы казачьих преданий выглядели неубедительно. В рамках изучения данного сюжета нам представляется наиболее важной та автохарактеристика, которую он давал своим изысканиям: «Я сие описание составил не для поношения сего народа, но единственно для соображения всех настоящих дел их, из чего видеть что можно было, откогда и когда и из каких людей они настали, а более какие их службы для России были, и какую полезность они приносили, и инне от них происходит» (Ригельман, 1846: II). Таким образом, А.И. Ригельмана интересовали не субъективные представления казаков о себе, но объективные факты («настоящие дела») их истории и современной жизни, которые он мог точно, как ему казалось, установить. В итоге большую часть труда А.И. Ригельмана занимает реконструкция истории донского казачества, выполненная на высоком для своей эпохи уровне, но отражающая представления автора, а не самих казаков.

Как предания казаков о своем происхождении, так и архаичные мнения некоторых более ранних профессиональных историков о древнем происхождении донского казачества А.И. Ригельман, судя по всему, приводил исключительно из исследовательской добросовестности, давая читателю всю информацию, обнаруженную им в «разных, каких сыскать мог, летописях и историях» (Ригельман, 1846: 5). Сам же он, хотя и допускал, что некие донские казаки могли существовать до XVI в., полагал, что они располагались выше по течению Дона, чем современные казаки и в любом случае, *если* и существовали, в конце XIV в. оказались вытеснены татарами (Ригельман, 1846: 6). Появление же современных донских казаков А.И. Ригельман однозначно относил к XVI в., опираясь на целый ряд текстов (В.Н. Татищева, «Ядро Российской истории» и «Степенную книгу») (Ригельман, 1846: 7). Происхождение их он описывал так: «Донские Козаки от Украинских Черкасских Козаков действительно начало свое возымели на Дону. И первенствою город свой выше Азова, в 50-ти верстах, на правой стороне реки Дона, на острове, по имени прежнего своего города Черкасы, Черкасский же построили, а по реке Дону Донскими Козаками (а Малороссийские от города Черкас – Черкасами) проименовались, а не так, как они о себе баснословят» (Ригельман, 1846: 7-8). То же самое А.И. Ригельман указывал и в своем «Летописном повествовании о Малой России», утверждая, что донские казаки пришли на Дон в XVI в. «из-за Днепра, от города Черкас» и ссылаясь при этом на некую «Историю Сибирскую» (Ригельман, 1847: 101). Таким образом, известные ему версии самих казаков о своем происхождении однозначно позиционировались А.И. Ригельманом в качестве баснословий («они о себе баснословят»), и взамен этого он, опираясь на научную литературу, делал вывод о малороссийском/украинском происхождении донских казаков. Более того, в «Летописном повествовании о Малой России» он утверждал, что вообще все казаки произошли от «Малороссийских, то есть Черкасских Украинских Козаков» (Ригельман, 1847: 101).

Обратим внимание на любопытный феномен. Во всех приведенных в прошлом разделе нашей статьи сюжетах, связанных с самопрезентацией донских казаков конца XVIII – начала XIX вв., отсутствуют какие-либо отсылки к другим казачьим войскам. Судя по этому, для донских казаков была характерна, в первую очередь, именно донская, а не общеказачья идентичность. Напротив, А.И. Ригельман выстраивал общность казачьих войск, производя их от одного корня, первоначального, украинского казачества.

Что же касается представлений А.И. Ригельмана о происхождении этого украинского казачества, то они были крайне запутанны, и их подробное исследование завело бы нас слишком далеко. Дополнительно затрудняет подобное исследование то, что сама терминология А.И. Ригельмана местами противоречива. Например, в одном месте он пишет о «козаках или малороссийском народе» (Ригельман, 1847: 1), а в другом месте упоминает «козаков» и «украинцев» как разные группы людей (Ригельман, 1847: 13). Тем не менее взгляды А.И. Ригельмана на происхождение первоначальных, украинских казаков сводятся к тому, что это их предшественники, а не донские казаки первоначально были черкесами, пришедшими с Кавказа, однако впоследствии эти черкесы были полностью ассимилированы местными жителями, поэтому казакам следовало «себя прямо называть Славянами» (Ригельман, 1847: 8). Хронология приблизительно такова: в XIV в. черкесы-казаки переселяются с Кавказа на Днепр (тут А.И. Ригельман ссылался на В.Н. Татищева (Ригельман, 1847: 10-11), затем «по всегдашнему сообщению с Козаками Украинцы, а паче к ним ближайшие, навькли и научились Козацким военным обрядам» (Ригельман, 1847: 13), а в начале XVI в. «Украинский житель», «именем Дашкевич», «собрал войско в Украине и назвал его Козаками» (Ригельман, 1847: 14). Таким образом, именем и обычаями казаки оказываются связаны с неславянскими народами, но современные казаки происходят от славян Малороссии-«Украины» (укажем для точности, что в дискурсе А.И. Ригельмана эти хоронимы, как и прилагательные «малороссийский»/«украинский» или понятия «малороссийский народ» и «украинцы» абсолютно синонимичны).

Что касается отношений донских казаков с Россией, то в интерпретации А.И. Ригельмана казаки начинают служить ей почти с самого своего появления на Дону в XVI в. Причины этой службы подробно

не описываются, но увязываются не с единством религии, а с российским могуществом, причем какие-либо изначально данные Иваном Грозным особые права казакам на Дон не упоминаются: «Когда потом царь Иван Васильевич начал быть славен, то уже сии новопоселившиеся Донские Козаки добровольно поддались России в 1549 году, почти с таким же договором, как и Украинские Козаки потом поддались же Польше» (Ригельман, 1846: 7). Более того, по версии А.И. Ригельмана, и большая часть украинского казачества до 1562 г. служила России, а в этом году перешла под власть Польши потому, что польский сейм согласился платить им (Ригельман, 1847: 21). Таким образом, связь казаков с Россией постулируется существовавшей с самого начала реальной казачьей истории.

К сожалению, описывая настоящее донских казаков, А.И. Ригельман был куда лаконичнее, чем при описании их прошлого, за исключением подробно написанных разделов об устройстве Донского Войска (Ригельман, 1846: 113-136). Он относил донских казаков к «Северным народам», которые «к питью крепкого напитка и весьма склонны», однако этим его попытки определить место донских казаков среди других народов и ограничивались (Ригельман, 1846: 7).

Описание А.И. Ригельманом внешности и характера донских казаков было подробнее, но давалось без сопоставления с другими народами: «Они почти все смуглого и румяного лица, волосом черные и черно-русые, острого взгляда, смелы, хитры, остроумны, храбры, горды, самолюбивы, пронырливы и насмешливы» (Ригельман, 1846: 136). Однако мы можем сравнить его с тем, как А.И. Ригельман описывал украинцев: «Они с природы все добросердечны, дружны, щедры, разумны и понятны ко всему, да и несколько хитры. Они почти все белотелы, хорошего виду, становаы, смелы и благосклонны» (Ригельман, 1847: 86). Цвет волос А.И. Ригельман указывал только для украинских женщин, и он был «темнорусым» (Ригельман, 1847: 86). Таким образом, хотя донские казаки в интерпретации А.И. Ригельмана происходили от украинских, их современная внешность и качества характера (кроме смелости и хитрости) не совпадали. Что касается одежды, то у донских казаков она якобы состояла из татарских и черкесских элементов (Ригельман, 1846: 137), а у украинцев – из черкесских и польских (Ригельман, 1847: 87). Украинки прежде и богатые донские казачки ныне тоже носили черкесское платье, а вот бедные донские казачки в верховых станицах одевались «так точно, как в России деревенские бабы» (Ригельман, 1846: 137; Ригельман, 1847: 86). Таким образом, у А.И. Ригельмана одежду донских казаков и украинцев объединяло наличие ярко выраженных черкесских элементов, но у украинцев они сочетались с польскими, а у донских казаков – с татарскими и русскими. Языка донских казаков А.И. Ригельман не описывал.

Таким образом, современные донские казаки в интерпретации А.И. Ригельмана сохранили некоторые общие черты с украинцами (смелость и хитрость в характере, черкесские элементы в одежде), однако в целом отличались от них. К сожалению, исследователь никак прямо не обозначил свою позицию по вопросу о том, как было бы правильно позиционировать донских казаков. Он несколько раз называл их «народом», однако в дискурсе А.И. Ригельмана это слово не всегда соответствует нации или этносу. Так, объясняя исторические преступления донских казаков, А.И. Ригельман писал о том, что «были из оных между тем изверги и развратные люди, и что они из разного народа общество свое составили и были иногда беспокойны» (Ригельман, 1846: II). Здесь «разный народ» – это просто люди разных душевных качеств. Как нам представляется, с учетом очевидной исследовательской добросовестности А.И. Ригельмана, выражавшейся в том, что он приводил даже ложные, с его точки зрения, представления о происхождении и истории казаков, отказ от общей классификации донского казачества и ограничение нарратива подробной фактической информацией мог быть своеобразной повествовательной стратегией автора.

Для М.И. Антоновского была характерна совершенно иная повествовательная стратегия. Он писал о донских казаках гораздо более смело, без упоминания альтернативных версий и казачьих преданий, а также каких-либо сомнений в своей правоте. При этом не ясно, какими источниками он руководствовался, а его описания казаков сильно отличаются от сообщаемых А.И. Ригельманом. Соответственно, с большой долей вероятности можно предполагать, что М.И. Антоновский руководствовался некими априорными представлениями о казаках. Сам дискурс М.И. Антоновского был ближе к имперскому, чем у А.И. Ригельмана, и в его тексте используются преимущественно понятия «Малая Россия» и «малороссийский», а не «Украина» и «украинский» (Георги, 1799: 233). Однако некоторые важные сюжеты у М.И. Антоновского и А.И. Ригельмана оказываются схожи.

М.И. Антоновский также выводил всех казаков от единого славянского корня, причем этот корень локализовался им «на том месте, где ныне Малая Россия» (Георги, 1799: 197). Однако возникновение славянского казачества у него оказывается куда древнее, а история – куда более фантастична, чем у А.И. Ригельмана. Предками казаков М.И. Антоновский считал «древнее колено воинственных Славян, известных у Преподобного Нестора летописца под именем Севера (т. е. племя северян – А.П.), сиречь всадники или конница» (Георги, 1799: 197). Потомками этого «колена» объявлялись не только казаки, но и люди, основавшие «Царство Сервское», т. е. сербы (Георги, 1799: 197). Родство между сербами и казаками доказывалось М.И. Антоновским через сходство некоторых их национальных особенностей: сербы описывались как «народ, имеющий всегда ту же к военным упражнениям, одеяниям и ко всадничеству склонность, какие и поднесь видны в Малороссиянах» (Георги, 1799: 197). Более того, с точки зрения М.И. Антоновского, первоначально предки казаков

имели «удерживаемое и поныне в Сервии, Гусарским называемое, платье и прибор лошадиный», а ныне носимые казаками «Польское» и «Черкасское» (изначально якобы печенежское) платья были исторически чужды им (Георги, 1799: 197). М.И. Антоновский прямо писал, что нынешние одежды казаков носят только в силу обычая (например, польское платье «одним обычаем закоснело»), и эти одеяния «отнюдь не то, к коему врожденную склонность сия ветвь Словено-Российского Народа имеет» (Георги, 1799: 197).

При этом, подобно А.И. Ригельману, М.И. Антоновский предполагал, что славянскому казачеству предшествовало некое казачество смешанного этнического состава. Он считал, что первоначально «Козаками, то есть бездомными бродягами», звали некую «особенную шайку», в которую входили представители племен «Славенских, Сарматских и Татарских» (Георги, 1799: 197). В дальнейшем казаки стали могущественны, переняли многие элементы одежды, оружия и общественного устройства от печенегов, и в итоге так стали звать «всех, таким образом вооруженных, и подобную жизнь ведущих, и пропитание себе достояющих» (Георги, 1799: 198). Даже в пограничных российских городах стали содержать своих казаков, а затем и передавать им землю, в результате чего в XIII в. появились казаки-славяне, первоначально «в Княжестве Курском, в Мещере и по реке Дону» (Георги, 1799: 198).

Наконец, схожие с А.И. Ригельманом мотивы присутствуют у М.И. Антоновского и при описании появления казаков на Дону. Правда, М.И. Антоновский считает, что около Дона еще в татарский период жили некие «первобытные Козаки», а главными предками донских казаков были «Мещерские Козаки», осознанно переселенные на Дон после свержения татарского ига Иоанном I (вероятно, описка, и имеется в виду Иван III) (Георги, 1799: 199-200). Однако и у него окончательное формирование «одного Общества» донских казаков завершается в XVI в. призыванием на Дон «Запорожских»/«Черкасских Козаков» (Георги, 1799: 200). Как и в нарративе А.И. Ригельмана, у М.И. Антоновского донские казаки служат России без упоминания о дарении им Дона за эту службу, а начало служения относится даже не к самому раннему периоду пребывания донских казаков на Дону, но предшествует ему. Мещерские казаки оказываются на Дону из-за желания российской власти «учинить твердый оплот будущим набегам Татарским» и «умножить число жителей Государства» (Георги, 1799: 200). Таким образом, если А.И. Ригельман предполагал, что хотя бы приход предков донских казаков на Дон был свободным, то у М.И. Антоновского даже этот приход оказывается продиктован исключительно волей московского самодержца.

Что касается современного ему донского казачества, то его представителей М.И. Антоновский достаточно ясно описывает как «россиян» с некоторыми особенностями. Например, вот описание их внешности: «Донские Козаки, большей частью, ряжи и пригожи. Большая часть их во всем сходны с Россиянами, имеют вид, смешанный с Русским и Татарским, без сомнения от матерей или праматерей татарок» (Георги, 1799: 201). А вот так М.И. Антоновский описывал характер казаков: «Нравственное свойство их совсем Русское, но воспитание и образ жизни их делает их решительнее обыкновенных Русских» (Георги, 1799: 201). Даже самая воинственность казаков служила М.И. Антоновскому доказательством их происхождения: «Оное есть истинное потомство всегда браноносных, победоносных и храбрых Славяно-Руссов» (Георги, 1799: 207). В обычаях донских казаков М.И. Антоновский тоже не находил ничего особенно самобытного: «Образ жизни, нравы и обычаи Донских Козаков в обращении при бракосочетаниях, забавах, угощениях, похоронах и прочем мало различествуют от обыкновенных Русских» (Георги, 1799: 211).

Как и в случае с А.И. Ригельманом, нам кажется уместным обратить внимание на то, как М.И. Антоновский описывал жителей современной Украины, или, в его дискурсе, «малороссийских казаков». В рамках нашего исследования нужно понять, как соотносились описания М.И. Антоновским различных «козаков»: насколько универсальна была применяемая им система описания донских казаков через сходство с «Россиянами». При этом родившийся и выросший на территории современной Украины М.И. Антоновский именно местных казаков должен был описывать на основе личных впечатлений, а не априорных представлений.

И здесь мы сталкиваемся с совершенно иным стилем и содержанием описаний. Внешне малороссийские «козаки» уподобляются не русским, а полякам: «Лицечертание и наружный вид Малороссиан сходствует с описанным Польским» (Георги, 1799: 345). Характер малороссиан описывается без привязки к другим народам, и самая их храбрость описывается отдельно, через конкретные особенности, а не привязку к общей храбрости «Славяно-Руссов»: «Женщины большей частью могут почестся красавицами, но не изнежены и имеют мужское почти свойство, что касается до мужества и твердости; ибо многие из них, в прошедшие войны особливо за свою свободу, наряду с мужьями или братьями своими сражались храбро против своих неприятелей, не только будучи переодеты в мужское платье, но и в собственном своем, особливо при защите городов и крепостей» (Георги, 1799: 345-346). Таким образом, в рамках представлений М.И. Антоновского «козаки» могут обладать своей достаточно ярко выраженной спецификой во внешности и характере, отличающей их от прочих «россиян». Однако к донским «козакам» это не относится, и их специфика в основном сводится к формам управления и военной службы (Георги, 1799: 200-211).

Немногочисленные специфические особенности, выделяемые М.И. Антоновским для донских «козаков», в основном касаются их одежды и противоречат более надежным сведениям

А.И. Ригельмана. М.И. Антоновский считал, что «платье или одеяние Донских казаков есть больше Польское, или же по произволению перемешанное» (Георги, 1799: 209). При этом, как мы упоминали выше, он считал казачью одежду вообще заимствованной, не отвечающей «врожденной склонности» казаков. Поэтому отличие донских казаков от «россиян» в одежде вообще не следует считать важным для их идентификации М.И. Антоновским. Таким образом, то, что М.И. Антоновский пишет об одежде донских «козаков», во-первых, не заслуживает доверия, а во-вторых, не противоречит его идентификации донского казачества как «россиян» с некоторыми особенностями.

Следовательно, предложенные А.И. Ригельманом и М.И. Антоновским идентификации донского казачества противоречат самоидентификации донских казаков конца XVIII – начала XIX вв., но имеют некоторое сходство между собой. Прежде всего, описания происхождения донского казачества у этих двух авторов, фундаментально расходясь в деталях, имеют общий основной сюжет, который можно свести к следующему:

1. Первоначально казачество было группой людей смешанного/неславянского состава, и эти первоначальные казаки не являются основными предками донских казаков, но передали им свое имя и обычаи;

2. Предки же донских казаков жили на территории Малой России/Украины и в определенный период переняли образ жизни первоначальных казаков;

3. Современное донское казачество окончательно формируется в XVI в. при участии выходцев из малороссийского казачества;

4. Донские казаки либо изначально были подданными московских государей, либо приняли их подданство в самый ранний период своей истории.

Таким образом, если в среде донских казаков конца XVIII – начала XIX вв. мифы о происхождении донского казачества от выходцев из России/Великороссии и Украины/Малороссии не зафиксированы, то А.И. Ригельман и М.И. Антоновский однозначно локализовали историческую прародину всех казаков в Украине/Малороссии. Возможно, причиной этого было влияние на них малороссийской историографии той эпохи, однако данный вопрос нуждается в дальнейшем изучении. Фактом же является то, что А.И. Ригельман и М.И. Антоновский однозначно считали казаков славянами и подданными России по происхождению.

Соответственно, и современные донские казаки рассматривались ими как часть восточных славян, т. е., в рамках их дискурса, «русских»/«россиян». В случае с М.И. Антоновским мы можем говорить об этом совершенно однозначно: он описывал донских казаков как «россиян» по внешности, характеру и обычаям со сравнительно небольшим объемом региональных отличий. При этом малороссийские казаки описывались им гораздо подробнее и куда более отлично от других «россиян». Соответственно, для М.И. Антоновского донские казаки еще и были достаточно близки к некоему наиболее общему для «россиян» типу. Гораздо сложнее случай А.И. Ригельмана. Много лет наблюдавший донских казаков, он дал их оригинальное описание без сопоставления с другими народами. Обратившись к другим работам А.И. Ригельмана, мы можем увидеть, что украинских казаков, выступающих в его нарративе предками донских, он описывал несколько иначе. Таким образом, у А.И. Ригельмана донские казаки выступают особой группой, обладающей своими уникальными особенностями, но эта группа сохраняла определенное единство со своими предками и через них остается включенной в единство более высокого порядка – в славянство. В работе об украинских казаках А.И. Ригельман ясно писал, что им следует «себя прямо называть Славянами» – и с учетом неоднократного подчеркивания им украинского происхождения всех казаков можно уверенно считать, что аналогичным образом А.И. Ригельман считал славянами всех казаков Российской империи.

5. Заключение

Опыт донского казачества конца XVIII – начала XIX вв. наглядно демонстрирует проблему интерпретации, проблему того, как самоидентификация группы и ее идентификация внешними наблюдателями могут фундаментально различаться.

Все дошедшие до нас сведения о самоидентификации донских казаков того времени предусматривают однозначное отделение казачества от прочих восточных славян. Предки казаков выводятся с Кавказа, возможно, из Польши, возможно, неизвестно откуда, возможно, предполагается местное происхождение казачества, но мифы, выводящие казаков из России/Великороссии и Украины/Малороссии нам обнаружить не удалось. Служба казаков России предстает не изначальной, но осознанным выбором, сделанным в эпоху правления Ивана Грозного. При этом в награду за эту службу Иван Грозный дарует казакам Дон (причем именно «Дон», а не «Землю Войска Донского»), причем с условием, что казаков нельзя сгонять с этой земли. Внимательный наблюдатель А.И. Ригельман фиксировал самоидентификацию донских казаков через категорию «обрусения», жизни в России с сохранением своей особой идентичности: «Думают заподлинно только обрусевши, живучи при России, а не Русскими людьми быть».

Однако первые внешние описатели донского казачества, разбиравшиеся в российской специфике, А.И. Ригельман и М.И. Антоновский, предлагали совершенно иную идентификацию казачества. При этом, если М.И. Антоновский мог не знать, кем себя считают казаки,

то зафиксировавший для нас сведения о казачьей самоидентификации А.И. Ригельман явно считал мало важным для идентификации группы ее внутреннюю самоидентификацию (он ее описывал через категорию («они о себе баснословят»). В итоге идентификация основывалась исключительно на представлениях внешнего наблюдателя о группе. К сожалению, в полной мере реконструировать то, как формировались эти представления, мы не можем, но, безусловно, и А.И. Ригельман и М.И. Антоновский были знакомы с современной им исторической литературой. Далее в случае А.И. Ригельмана эти знания соотносились с наблюдениями за реальными казаками, а в случае М.И. Антоновского – с априорными представлениями о них.

В итоге предков всех казаков А.И. Ригельман и М.И. Антоновский однозначно локализовали в современной им Украине/Малой России (в этом отношении перспективной темой для дальнейшего исследования является влияние на них именно малороссийской историографии). Служба казаков России предполагалась ими изначально заданной или возникшей на самом раннем этапе донской истории, причем никаких особых прав на Дон с этим не связывалось. И в конечном счете и А.И. Ригельман, и М.И. Антоновский основывали идентификацию казаков на акцентированном включении их в состав славян. Так, А.И. Ригельман писал, что казакам следует «себя прямо называть Славянами». М.И. Антоновский шел еще дальше, утверждая, что по ряду важнейших групповых характеристик (внешность, характер, образ жизни, нравы и обычаи) донские казаки представляют собой «россиян» с некоторыми особенностями.

Таким образом, часть донских казаков конца XVIII в. (те, чьи представления были зафиксированы А.И. Ригельманом) обладала особой групповой идентичностью, отличной от идентичности русских/великороссов и украинцев/малороссов. Однако сама методология только формировавшейся тогда этнографии (народоописания) была ориентирована на работу с фактами, а не с представлениями людей о себе. «Объективное» же описание донских казаков способствовало их включению в общий круг славян (это подтверждается примером А.И. Ригельмана). Поэтому вполне логично, что в XIX в. в среде образованных казаков начали все более распространяться представления об однозначно русской (т. е., если использовать современную терминологию, восточнославянской) идентичности казаков.

Литература

- Аваков, 2008** – Аваков П.А. Призвание Александра Ригельмана // *Донской временник*. Вып. 17. Ростов-на-Дону, 2008. С. 55-60.
- Вульф, 2003** – Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. 560 с.
- ГАРО** – Государственный архив Ростовской области.
- Георги, 1799** – Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Ч. IV. СПб., 1799. 385 с.
- Гинзбург, 2004** – Гинзбург К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю / Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история. М., 2004. 345 с.
- Денисова, Ковалев, 2023** – Денисова Г.С., Ковалев В.В. Казачество в современной России: обретение социального статуса // *Вестник Института социологии*. 2023. Т. 14. № 3. С. 14-36.
- Донцы..., 2003** – Донцы XIX века. Ростов-на-Дону, 2003. 599 с.
- Записки..., 1874** – Записки донского атамана Денисова // *Русская старина*. 1874. Т. X. С. 1-45.
- Калмыков, 1896** – Калмыков М.К. Черкасск и Войско Донское в 1802 году, по описанию Де-Романо. Новочеркасск, 1896. 42 с.
- Кательников, 1886** – Кательников Е.Н. Историческое сведение Войска Донского о Верхне-Курмоярской станице, составленное из сказаний старожил и собственных примечаний 1818 года декабря 31 дня. Новочеркасск, 1886. 63 с.
- Ковалев, 2023** – Ковалев В.В. Возрождение казачества в современной России: социокультурный, организационный и военно-служилый аспекты // *Caucasian Science Bridge*. 2023. № 6 (1). С. 62-76.
- Корниенко, 2013** – Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб., 2013. 232 с.
- Коршиков, Королев, 2001** – Коршиков Н.С., Королев В.Н. Историк Дона В.Д. Сухоруков и его «Историческое описание Земли Войска Донского» / Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли Войска Донского. Ростов-на-Дону, 2001. С. 7-18.
- Краснов, 1863** – Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб., 1863. 596 с.
- Л.Б., 1906** – Л.Б. Алексей Григорьевич Попов, первый директор войсковой гимназии // *Сборник областного Войска Донского статистического комитета*. Вып. 6. Новочеркасск, 1906. С. 49-59.
- Лескинен, 2010** – Лескинен М.В. Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности. М., 2010. 368 с.

- Мининков, 2017** – Мининков Н.А. Атаман Ермак Тимофеевич и события XVI в. в исторической памяти донского казачества // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2017. Т. 24. № 4. С. 11-15.
- Михеева, 2021** – Михеева Г.В. Михаил Иванович Антоновский. СПб., 2021. 233 с.
- Попов, 1814** – Попов А.Г. История о Донском войске. Ч. I. Харьков, 1814. 189 с.
- Ригельман, 1846** – Ригельман А.И. История или повествование о Донских Казаках. М., 1846. 165 с.
- Ригельман, 1847** – Ригельман А.И. Летописное повествование о Малой России и ее народе и казаках вообще. М., 1847. 819 с.
- Токарев, 2015** – Токарев С.А. История русской этнографии. М., 2015. 656 с.
- Харузин, 1885** – Харузин М.Н. Сведения о казачьих общинах на Дону: материалы для обычного права: вып. 1. М., 1885. 338 с.
- de Romano, 1807** – de Romano A.L. Coup d'oeil philosophique sur le pays occupe par les Cosaques du Don. Tome II. Milan, 1807. 218 p.

References

- Avakov, 2008** – Avakov, P.A. (2008). Prizvanie Aleksandra Rigel'mana [The calling of Alexander Rigel'man]. *Donskoi vremennik*. 17: 55-60. [in Russian]
- de Romano, 1807** – de Romano, A.L. (1807). Coup d'oeil philosophique sur le pays occupe par les Cosaques du Don. T. II [A philosophical look at the country occupied by the Don Cossacks. Vol. II]. Milan, 218 p. [in French]
- Denisova, Kovalev, 2023** – Denisova, G.S., Kovalev, V.V. (2023). Kazachestvo v sovremennoi Rossii: obretenie sotsial'nogo statusa [Cossackhood in Contemporary Russia: Attaining Social Status]. *Vestnik Instituta sotsiologii*. 14(3): 14-36. [in Russian]
- Dontsy..., 2003** – Dontsy XIX veka [Don Cossack of the 19th century]. Rostov-na-Donu, 599 p. [in Russian]
- GARO** – Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [State Archive of the Rostov Region].
- Georgi, 1799** – Georgi, J.G. (1799). Opisaniye vsekh obitayushchikh v Rossiiskom gosudarstve narodov: ikh zhiteiskikh obryadov, obyknovenii, odezhd, zhilishch, uprazhnenii, zabav, veroispovedanii i drugikh dostopamyatnostei. Ch. IV [A Description of All Peoples Living in the Russian State with Their Common Habits, Traditions, Houses, Activities, Entertainments, Beliefs, and Other Peculiarities. Part IV]. SPb, 385 p. [in Russian]
- Ginzburg, 2004** – Ginzburg, K. (2004). Mikroistoriya: dve-tri veshchi, kotorye ya o nei znayu [Microhistory: Two or Three Things That I Know about It]. Mify-embemy-primety: Morfologiya i istoriya, M., 345 p. [in Russian]
- Kalmykov, 1896** – Kalmykov, M.K. (1896). Cherkassk i Voisko Donskoe v 1802 godu, po opisaniyu De-Romano [Cherkassk and the Don Host in the year 1802, as described by De-Romano]. Novoherkassk, 42 p. [in Russian]
- Katel'nikov, 1886** – Katel'nikov, E.N. (1886). Istoricheskoe svedenie Voiska Donskogo o Verkhne-Kurmoyarskoi stanitse, sostavlennoe iz skazanii starozhilov i sobstvennykh primechanii 1818 goda dekabrya 31 dnya [The Don Host's historical information about the Verkhne-Kurmoyarskaya stanitsa compiled from the legends of old-timers and own notes in the year 1818 on the 31st day of December]. Novoherkassk, 63 p. [in Russian]
- Kharuzin, 1885** – Kharuzin, M.N. (1885). Svedeniya o kazatskikh obshchinakh na Donu: materialy dlya obychnogo prava: vyp. 1 [Information about the Cossack communities on the Don: materials for the common law: vol. 1]. M., 338 p. [in Russian]
- Kornienko, 2013** – Kornienko, B.S. (2013). Pravyy Don: kazaki i ideologiya natsionalizma (1909–1914) [The Right Don: Cossacks and the ideology of nationalism (1909-1914)]. SPb, 232 p. [in Russian]
- Korshikov, Korolev, 2001** – Korshikov, N.S., Korolev, V.N. (2001). Istorik Dona V.D. Sukhorukov i ego «Istoricheskoe opisanie Zemli Voiska Donskogo» [Historian of the Don V.D. Sukhorukov and his “Historical description of the Don Host Oblast”]. Sukhorukov V.D. Istoricheskoe opisanie Zemli Voiska Donskogo, Rostov-na-Donu, Pp. 7-18. [in Russian]
- Kovalev, 2023** – Kovalev, V.V. (2023). Vozrozhdenie kazachestva v sovremennoi Rossii: sotsiokul'turnyi, organizatsionnyi i voenno-sluzhilyi aspekty [Renaissance of Cossacks in modern Russia: sociocultural, organizational, and military aspects]. *Caucasian Science Bridge*. 6(1): 62-76. [in Russian]
- Krasnov, 1863** – Krasnov, N.I. (1863). Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannyye ofitserami General'nogo shtaba. Zemlya voiska Donskogo [Materials for geography and statistics of Russia collected by officers of the General staff. Don Host Oblast]. SPb, 596 p. [in Russian]
- L.B., 1906** – L.B. (1906) Aleksei Grigor'evich Popov, pervyi direktor voiskovoi gimnazii [Aleksei Grigor'evich Popov, the first director of the Host gymnasium]. *Sbornik oblastnogo Voiska Donskogo statisticheskogo komiteta*. Is. 6, Novoherkassk. Pp. 49-59. [in Russian]
- Leskinen, 2010** – Leskinen, M.V. (2010). Polyaki i finny v rossiiskoi nauke vtoroi poloviny XIX v.: «drugoi» skvoz' prizmu identichnosti [Poles and Finns in the Russian science of the late 19th century: “different” through the prism of identity]. M., 368 p. [in Russian]

- Mikheeva, 2021 – *Mikheeva, G.V.* (2021). Mikhail Ivanovich Antonovskii [Mikhail Ivanovich Antonovskiy]. SPb, 233 p. [in Russian]
- Mininkov, 2017 – *Mininkov, N.A.* (2017). Ataman Ermak Timofeevich i sobytiya XVI v. v istoricheskoi pamyati donskogo kazachestva [Ataman Ermak Timofeevich and the events of the 16th century in the historical memory of the Don Cossacks]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 24(4): 11-15. [in Russian]
- Popov, 1814 – *Popov, A.G.* (1814). Istoriya o Donskom voiske. Ch. I [The history about the Don Host. Part 1]. Kharkiv, 189 p. [in Russian]
- Rigel'man, 1846 – *Rigel'man, A.I.* (1846). Istoriya ili povestvovanie o Donskikh Kazakakh [A history or a narration about the Don Cossacks]. M., 165 p. [in Russian]
- Rigel'man, 1847 – *Rigel'man, A.I.* (1847). Letopisnoe povestvovanie o Maloi Rossii i ee narode i kazakakh vooobshche [A chronicle narration about Little Russia and its people and Cossacks in general]. M., 819 p. [in Russian]
- Tokarev, 2015 – *Tokarev, S.A.* (2015). Istoriya russkoi etnografii [History of Russian ethnography]. M., 656 p. [in Russian]
- Wolff, 2003 – *Wolff, L.* (2003). Izobretaya Vostochnuyu Evropu: karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniya [Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment]. M., 560 p. [in Russian]
- Zapiski..., 1874 – *Zapiski donskogo atamana Denisova* [Notes of the Don ataman Denisov]. *Russkaya starina*. 1874. T. X. Pp. 1-45. [in Russian]

Самоидентификация и идентификация внешними авторами донских казаков конца XVIII – начала XIX вв.

Артем Юрьевич Перетяtko^{a, b, *}

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена проблеме идентичности донского казачества конца XVIII – начала XIX вв. Автор показывает, что в XIX в. донское казачество переживало сильнейшую трансформацию (в частности, местный костюм был вытеснен близким к великорусскому, а образованные местные жители познакомились с российской историографией). При этом изучение донских казаков профессиональными этнографами фактически началось только с 1880 гг., т. е. они изучали уже трансформировавшееся казачество. В подобном контексте особенно важны свидетельства современников о донском казачестве конца XVIII – начала XIX вв. Они немногочисленны (в статье рассматриваются широко известные работы о донском казачестве А.И. Ригельмана и менее известные М.И. Антоновского и А.Л. де Романо), однако А.И. Ригельман, много лет служивший в казачьей среде, зафиксировал самоидентификацию части казаков, что позволяет сравнить самоидентификацию донского казачества с его идентификацией внешними авторами.

Подобное сравнение позволяет выявить любопытный сюжет, прежде не установленный в научной историографии. Существовало принципиальное расхождение между зафиксированными случаями самоидентификации казаков интересующего нас периода и их идентификацией внешними авторами. При этом А.И. Ригельману было известно, кем себя считают казаки, а также ему был известен ряд их исторических мифов, но он описывал их через категорию «баснословий», противопоставляя им собственные выводы, сделанные преимущественно из исторических работ. В итоге дошедшая до нас информация о самоидентификации казаков конца XVIII – начала XIX вв. работает на отделение казаков от прочих восточных славян (прародиной казачества может служить, например, Кавказ, но не территории России/Великороссии и Украины/Малороссии; служение казаков России описывается как осознанный выбор; «Дон» интерпретируется как особый локус, дарованный казакам Иваном Грозным и т.п.).

Напротив, представлявшие российскую специфику авторы конца XVIII в., писавшие о донских казаках (А.И. Ригельман и М.И. Антоновский), однозначно вовлекали их в круг славян (прародиной казачества объявлялась Украина/Малороссия; казаки позиционировались как служившие России изначально или с самого раннего этапа своей истории; сюжет о «Доне» как особой казачьей земле опускался и т. п.). Подобная тенденция была доведена до логического завершения М.И. Антоновским, который интерпретировал донских казаков как «россиян» с определенной местной спецификой.

Ключевые слова: донское казачество, историописание, групповая идентичность, историческая память, А.И. Ригельман, М.И. Антоновский.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko)